

«Цвет лиризма»
в поэзии Ю.В. Жадовской

© Л. К. ГРАУДИНА,
доктор филологических наук

*Задумчивость, полная искренность
чувства и спокойная простота его выражения –
вот главные достоинства стихотворений
госпожи Жадовской.*

Н.А. Добролюбов

Статья посвящена творчеству Ю.В. Жадовской, известной русской поэтессы середины XIX века. Автор прослеживает ее судьбу, мировоззрение, отразившиеся в стихах; особенности ее поэтики, в том числе связь с фольклором.

Ключевые слова: лирика Ю.В. Жадовской, традиционно-поэтические эпитеты, метафоры, романсы, песни, стилистические приемы.

Поэтическое творчество Юлии Валериановны Жадовской (1824–1883) пришлось на 40–50-е годы XIX века. Поэтесса родилась в мелкопоместной дворянской семье в селе Субботино Любимовского уезда Ярослав-

ской губернии. Детство и юность ее прошли вдали от большого столичного света. Она рано потеряла мать и воспитывалась в семье бабушки А.П. Готовцевой в селе Панфилове, а затем в Костроме – у своей тетки, поэтессы и писательницы А.И. Готовцевой, что не могло не оказать влияния на развитие девочки.

Получив образование в Костроме в пансионе, Юлия продолжила его уже в Ярославле в семье отца с приглашенным учителем костромского пансиона П.М. Перевлесским – филологом, заметившим и оценившим талант своей воспитанницы. Еще во время пребывания в Костроме Ю.В. Жадовская сочиняла стихотворения религиозного характера, занималась переводами.

Познакомившись с юношескими стихами своей воспитанницы «Светит солнышко приветно...», «Из псалма IX», «Осень», «Лучший перл», Перевлесский многое сделал, чтобы развить талант ученицы. Он помог опубликовать ее первые стихи «Лучший перл...» и «Много капель светлых...» в журнале «Московитянин» в 1843 году. Возникшие трогательные отношения между учителем и ученицей постепенно переросли в более глубокие чувства, и спустя три года встал вопрос о браке между ними. Отец – потомственный дворянин, чиновник особых поручений при ярославском губернаторе – решительно воспротивился браку своей дочери с сыном ярославского дьякона.

Крах первой глубокой и нежной любви поэтессы оказал огромное влияние на характер всей любовной лирики Ю.В. Жадовской. Об отце, который был повинен в ее драме, она писала впоследствии в романе «В стороне от большого света»: «Дух неудержимого противоречия царствовал в душе человека; он противоречил всему и каждому; противоречил даже самому себе, если слышал собственные свои мнения в устах других... В домашней жизни он создал себе железный трон, и воля его близких, нравственная самостоятельность их личностей разбивалась об этот трон. Он преследовал их даже в самих намерениях, он подозревал, угадывал эти намерения... и громил, душил, давил их своими грозными, раздражающими сентенциями» [1. С. 7]. Жизнь рядом с отцом поэтесса не считала благополучной и счастливой.

Свое настроение, печаль и грусть Жадовская выражала в стихотворениях, удивительно трогательных и задушевных.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя:
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я – никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь;
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.

Это стихотворение было обращено к П.М. Перевлескому. Оно целиком основано на антитезах, прикрепленных к местоимениям *ты* – я, выражающих противопоставленные образы лирических героев.

Взгляд

Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд, –
Он предо мной горит неотразимо.
В нем счастья блеск, в нем страсти сладкий яд,
Огонь любви, тоски невыразимой.
Он душу мне так сильно взволновал,
Он новых чувств родил во мне так много;
Он сердце мне надолго оковал
Неведомой и сладостной тревогой...

Здесь суггестивная фигура повторов играет роль усиливающего выразителя мысли и впечатления: *Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд; в нем счастья блеск, в нем страсти сладкий яд*; пятая, шестая и седьмая строфы начинаются повторяющимися местоимениями *он.., он.., он...* В этом стихотворении поэтесса использует традиционно-поэтические эпитеты *невыразимая тоска, страсти сладкий яд* (сравните привычный эпитет *сладкая любовь*), *неведомая и сладкая тревога* и метафоры *огонь любви, блеск счастья*. Более индивидуальна метафора *сердце оковал / Неведомой и сладостной тревогой*.

В целом же, эти стихотворения по языковой форме подкупают своей безыскусностью; кажется, что они выливаются из сердца непосредственными словами, которые гармонично выражают юношески свежие и сильные чувства.

Эти качества были сразу же замечены – ее стихи были положены на музыку М.И. Глинкой, А.С. Даргомыжским, А.Т. Гречаниновым. Особой популярностью пользовался романс «Я всё еще его, безумная, люблю!».

Это стихотворение, написанное между 1844 и 1847 гг., было связано с личными переживаниями поэтессы – роман с П.М. Перевлеским не был забыт:

Я всё еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Самобытность лирики Ю.В. Жадовской, в частности, и этого самого известного ее романса, проявилась и в полной искренности чувства, и в той психологической точности ощущений, когда поэтесса в перечисленных глагольных формах обрисовывает свое душевное состояние: *душа... трепещет; тоска... сжимает грудь; взор... слезой... блещет*.

Романсы, написанные на стихи Ю.В. Жадовской, стали популярными, принесённые поэтессе большую известность. Поэт и критик Аполлон Григорьев на страницах журнала «Москвитянин» писал о «цвете лиризма» в поэзии Жадовской, отмечая: «...всего же важнее в лирическом поэте искренность того чувства, с которым он лирически относится к мирозданию и человеку... Степенью большей или меньшей искренности поэта обусловлена степень большей или меньшей симпатии к нему: искренним же в поэте может быть, как в человеке, только такое чувство, которое нужно и важно для души человеческой» [1. С. 50]. Теплота чувств, изящная простота выражения – вот качества поэзии Жадовской, которые вызвали сочувственные отзывы литературной критики конца 40-х – 50-х гг. на первый вышедший в свет в 1846 году сборник стихотворений поэтессы. В 1858 году был издан второй сборник ее стихотворений, о котором Н.А. Добролюбов написал: «Она сумела найти поэзию в своей душе, в своем чувстве и передать свои впечатления, мысли и ощущения совершенно просто и спокойно, как вещи очень обыкновенные, но дорогие ей лично». Заметим, что оценка «просто» не была синонимом к слову «простенько». Так, в стихотворении «Прощай» (1847), посвященной все той же теме трагической любви и разлуки, поэтесса использует богатую палитру самых выразительных стилистических приемов.

Прощай! Не нужно мне участия:
Не жалуясь, не плачу я,
Тебе – вся прелесть бытия,
Тебе – весь блеск земного счастья,
Тебе – любовь, тебе – цветы,
Тебе – все жизни наслажденья;
Мне – сердца тайные мученья
Да безотрадные мечты.

Стихотворение построено по модели противопоставления *тебе* – *мне*. При этом экспрессивный повтор местоимения *тебе* позволяет красноречиво выразить состояние опечаленной женской души на фоне обласканного любовью, счастьем и цветами героя ее грёз.

В одном из писем Ю.В. Жадовская писала: «Мне жаль тех, кто не любил; вот, от чего мне часто, глядя на молодость, страждущую душевной зимой, приходит на память слова Спасителя: “за множество грехов отнимется у многих способность, или благодать любви”. Любить! Что была бы для меня теперь любовь? Огнистая, мимолетная струя падучей звезды...». Образ падучей звезды не раз являлся в ее стихотворениях.

На бедный, грустный стих мне люди не ответят;
И с многодумною и странною душой,
Я в мире промелькну падучею звездой,
Которую, поверь, не многие заметят.

Проникновенный лиризм стихотворений Жадовской проявился и в особенностях изображения окружавшей ее природы. В поэтические размышления о мире природы поэтессой неизменно вкрапливаются субъективные впечатления о состоянии души, и чаще всего по контрасту с красотой внешнего мира.

С годами ее интимная лирика все больше уступала место общественным, гражданским мотивам. Ей хотелось осмыслить жизнь народа и выразить сострадание «всем угнетенным сильной рукой». Поэтическим событием стали для Ю.В. Жадовской ее наблюдения за течением убогой дореформенной жизни русской деревни:

Грустная картина!
 Облаком густым
 Вьется из овина
 За деревней дым.
 Незавидна местность:
 Скучная земля,
 Плоская окрестность,
 Выжаты поля.
 Все как бы в тумане,
 Все как будто спит...
 В худеньком кафтане
 Мужичок стоит, –
 Головой качает, –
 Умолот плохой, –
 Думает – гадает:
 Как-то быть зимой?

В стихотворении выражено трепетное лирическое чувство к родной, скромной природе и к бедно живущему в деревне русскому народу. Некоторые стихотворения из этого ряда цензура не пропускала: «Ах, ужель не будет лучшей доли» (1857), «Проснулась грозная и мстительная кара» (1858), «Маша» (1857) и др. Это было время, когда в демократических кругах критически переосмысливались события русской общественной жизни, шло оживленное обсуждение темы революции. Интересно в этом отношении мнение поэтессы. В 1861 году она писала: «Впечатление такой страшной драмы, как революция, всегда ново и сильно. Скажите, вправду ли есть что-то преднамеренное, роковое в судьбах народов, или все это – только ряд бессмысленных ошибок человеческой слепоты. Как последнее ни грустно, но все же оно не так безотраднo, как нелепая сила, крутящая целые нации и делающая все усилия человеческой мудрости хрупкими и гнилыми подставками. Что ж? Пусть судьба делает свое дело, а человек свое, от этого ни жизнь, ни гений его не утратят своего влияния» [1. С. 24] Ю.В. Жадовская под-

черкивала приверженность к идеям свободы и любви к своей стране и своему народу:

Нет, никогда поклонничеством низким
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальним и ни близким
Из уст моих постыдно не пролью.

Стихи общественной тематики выходили из-под пера Ю.В. Жадовской уже в зрелом творчестве. Во многих ее произведениях этого направления проявилось глубокое родство с русской народной поэзией. В частности, склонность к белому стиху составила одну из особенностей ее индивидуальной поэтики:

Все ты уносишь, нещадное время, –
Горе и радость, дружбу и злобу;
Все забираешь всеильным полетом;
Что же мою ты любовь умчало?
Знать, позабыло о ней ты, седое;
Или уж слишком глубоко мне в душу
Чувство святое запало, что взор твой,
Видящий всё, до него не проникнул?

Метрические стихи без рифм, характерные для народной поэзии, здесь сочетаются с особыми стилистическими приемами. Так, с синтаксической точки зрения все это стихотворение представляет собой риторическое обращение, соединенное с двумя риторическими вопросами. Центральный образ выражен олицетворением: время как всеильное существо, к которому и обращается автор, построив свой монолог – обращение на внутренней антитезе. Время... Нещадное, седое, со взором, видящим все, способным все из жизни забрать «всеильным полетом» и унести, бесследно умчать, но не любовь лирической героини. Оригинальность этого стихотворения создается за счет сочетания народно-поэтической формы с традиционно-поэтическими приемами. В частности, особую роль выполняет и ритмический четырехчлен с противопоставленными понятиями (*горе и радость, дружбу и злобу*), и книжно-поэтические слова, эпитеты (*нешадное время, всеильный полет, чувство святое, взор, видящий все, проникнул до него* – устаревшая синтаксическая форма управления).

Интерес Жадовской к народному поэтическому творчеству был очевиден. Исследователь ее поэзии В.А. Благово отмечал: «В ретроспективном взгляде на личную жизнь героини поэзии Жадовской похожа на кольцовскую девушку. Любовь – воспоминание, любовь – надежда, любовь – разлука, любовь – потеря, любовь – ожидание, любовь – невозвратное и опять надежда – этот замкнутый круг любовных переживаний русской девушки не является только отражением однозначности

ее интересов, но говорит об упорном стремлении к достижению своего счастья и свободы» [Там же. С. 95]. Тот факт, что лирика Жадовской связана с народно-песенной традицией, доказывают многие ее произведения. У поэтессы насчитывается до десятка ее «русских песен». Одна из них «Соловей»:

Полно! Будет уж, соловей мой, петь:
Сладки песни твои, но не радостны;
Не прельстишь ты меня трелью звонкою,
Не прельстишь песнью переливчатой;
Под твои звуки не забудусь я,
Твоих песенок не заслушаюсь!

В песне главенствует рефлексивное начало, психологический анализ собственных мыслей и переживаний, выраженных с помощью определенных фольклорных приемов – обращения, отрицательного параллелизма, повторов (*Полно! Будет уж, соловей мой, петь; под твои звуки трели не забудусь я*); народно-песенных лексических элементов (*песнь переливчатая; песенок не заслушаюсь* и под.).

С годами демократические тенденции в творчестве поэтессы усиливались. Отмеченные многими литературоведами «кольцовские» и «некрасовские» мотивы в ее стихах отражали новые веяния в русской поэзии. Такие стихотворения, как «Нива» и «Грустная картина», положенные на музыку, стали чрезвычайно популярными в народе и публиковались во многих школьных учебниках и хрестоматиях.

Нива
Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру –
Словно в синем море –
Волны так и ходят,
Ходят на просторе.
Над тобою с песней
Жаворонок вьется,
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую,
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую!

Жанровая природа русской лирической народной песни живо и рельефно проявилась в этом стихотворении. Прежде всего, здесь мы видим жанр размышления, народной «думы» о конкретном результате крестьянского труда – засеянном поле и хлебах, растущих на пашне, «трудовой ниве». Истоки элементов изобразительной композиции в стихотворении восходят к народной песне. Обращение к ниве, к ветру, к Богу создает композиционный каркас всей структуры стихотворения, что позволяет поэтессе дать художественную характеристику красоты и простора русского поля. Картина русского поля – это часть картины народной жизни и крестьянского быта. «Песенная интонация создается не только женской рифмой, конструирующей особую протяженность и “проголосоность”, но и всеми теми же повторами, перехватами, простой мольбой – обращениями, характерными для народной поэзии». И далее: «Попытки Жадовской коснуться народной темы отразили общие тенденции литературного процесса» [1. С. 117] в России 50-х гг. XIX века.

Еще одна особенность отличала творчество Ю.В. Жадовской, связанная с пробудившимися настроениями эпохи. В русской стихотворной практике середины XIX века под влиянием развивающейся мощной художественной прозы происходил процесс «прозаизации» поэзии. В лирических стихотворениях Ю.В. Жадовской уже намного меньше, чем, например, в творчестве К.К. Павловой или Е.П. Ростопчиной, словесной многокрасочности поэтизмов классического пушкинского стиха. Заметнее дает о себе знать разговорная интонация типа:

С улыбкой руку мне подай
И тихо молви: «до свиданья»...

* * *

Думал ты, что любил меня страстно,
По тебе я сходила с ума;
Наша встреча могла быть опасна,
Я теперь это вижу сама.

Отмеченное явление связано с общим направлением, тематикой и мотивами поэзии Жадовской. Так, критик Б. Алмазов отмечал: «Нежность и кротость чувств, мягкость стиха несравненно больше идут к женщине, нежели громовой стих и бурные страсти». Еще более определенно о теме разбитой любви в творчестве Жадовской высказался критик А.М. Скабичевский. В статье «Песни о женской неволе» он писал о том, что на всех стихах поэтессы «лежит печать попорченного счастья и долгих годов тяжелой неволи. Это стоны женского рабства со всеми его муками, чувством беспомощности, одинокости, горького унижения, стыда перед

собственным своим бессилием и тщетными стремлениями утешиться, забыться – то в религиозных порывах, то в созерцаниях красот природы. Оплакивание первой любви, так безжалостно задуманной в самом ее ярком расцвете, занимает наиболее видное место среди этих песен женской неволи...» [2].

Поэзия Жадовской отражала ее жизнь, полную грусти и безнадежности, в самых реалистических проявлениях. «Мне грустно», «я плачу», «слезы», «тайные мученья», «Я – тихо и грустно свершаю, без радостей, жизненный путь» – вот постоянный лейтмотив ее лирических стихотворений. Избранные ею поэтические краски были соразмерны с этой темой и далеки от пышности и блеска слишком ярких и цветистых изображений. Формула Бенедиктова «Изобретай неслыханные звуки, выдумывай неведомый язык» не отвечала бы состоянию ее души. Юлии Валериановне Жадовской была созвучна по настроению печальная муза Некрасова. В стихотворении, посвященном поэтессой Н.А. Некрасову, написанном между 1856 и 1859 гг., она подчеркнула те черты в его поэзии, которые были близки и дороги ей:

Стих твой звучит непритворным страданьем,
Будто из крови и слез он восстал!
Полный ко благу могучим призываньем,
Многим глубоко он в душу запал.

Сопричастность с некрасовской музой в творчестве Ю.В. Жадовской все же не была всеобъемлющей и всеохватывающей. Вспомним его слова из стихотворения «Замолчки, муза мести и печали»:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Музе Жадовской чужда ненависть. Ей свойственны христианская кротость и терпение:

Жизнь теперь я лучше разумею,
Счастья в мире перестав искать,
Без надежды я любить умею
И могу без ропота терять.

Обозревая лирику поэтессы в целом, можно сказать, что ее ведущими чертами были сердечность, теплота, искренность и душевность. Она вошла в женскую литературу и поэзию XIX века «на равных» с лучшими представительницами русской лирики этого времени. В начале XX века И.Н. Розанов отметил, что Жадовскую следует причислить «к блестящей плеяде людей 40-х годов» [3]. Ее песни и романсы до сих

пор входят в репертуар лучших исполнителей произведений этого жанра. Она нашла в поэзии свой путь и добилась на этом пути бесспорного признания.

Литература

1. *Благово В.А.* Поэзия и личность Ю.В. Жадовской. Саратов, 1981.
2. *Скабичевский А.М.* Песни о женской неволе // Собр. соч. СПб., 1985. Т. 2.
3. *Розанов И.Н.* Русская лирика. М., 1914.

Москва
